

Глава 3

Перед Северными покоями простирался длинный, узкий проход, скрытый от солнца. В конце его виднелись ворота в два человеческих роста шириной — вход в Северные покои.

Кроме патрульной стражи и дворцовых слуг, здешние «господа» не имели права выходить отсюда.

У ворот всегда стояли двое евнухов.

Они держали этих господ в заточении.

Цитуй и Баци, охранявшие это место, целыми днями маялись от безделья. Внутри и наружу проходило всего два-три человека, так что можно было и вздремнуть.

Иногда они перебрасывались парой слов, чтобы скоротать время.

Когда-то Чаншоу любил выбегать наружу, хватаясь за любую возможность оказаться за пределами Северных покоев. Так он завёл несколько знакомств, но не более того.

Слишком многие рвались наверх, а остальные были лишь пылью под ногами.

Сегодня, когда мимо проходил Цзинчжэ, Цитуй не удержался от шутки:

— Братец, что-то ты зачастил наружу в последние полмесяца.

Цзинчжэ улыбнулся и тихо ответил:

— Сегодня моя очередь за едой.

— А, вот оно что. А я-то думал, сегодня должны идти Чаншоу и сестра Хэ Е.

— Сестра Хэ Е нездорова, а Чаншоу помогает другим сёстрам.

После короткого разговора и проверки бирки Цзинчжэ пропустили.

Когда его фигура скрылась в длинном, сумрачном проходе, Баци шлёпнул Цитую по затылку.

— Больно ты болтлив.

Цитуй потёр голову и нахмурился:

— Ну спросил пару раз, что такого?

Баци не удостоил его ответом, но Цитуй не унимался, требуя объяснений.

Баци закатил глаза и лениво протянул:

— Цзинчжэ провёл в Северных покоях столько лет, так и не получив ни ранга, ни положения. Ему скоро девятнадцать. Если до двадцати он не дослужится хотя бы до третьего ранга, так и останется мелким евнухом до конца своих дней. Думаешь, его это устраивает?

— Да не может быть. Цзинчжэ кажется самым спокойным из всех.

— Спокойным? Хм, внешность обманчива. Если бы ему было всё равно, стал бы он так часто выходить в последнее время? — Баци скрестил руки на груди и покачал головой. — Просто он умеет скрывать свои чувства!

Тут он понизил голос.

— Или ты забыл, что ему кто-то недавно приносил подарки?

Цзинчжэ медленно шёл вперёд. Когда его фигура скрылась за густыми ветвями деревьев, он увидел Жун Цзю, тихо стоявшего у узких ворот.

Значит, сегодня его очередь дежурить.

При виде него Цзинчжэ невольно улыбнулся. Тот выглядел холодным и неприступным, но, подойдя, заговорил довольно мягко.

— Куда идёшь?

Как и сами Северные покои, караул здесь несли спустя рукава. Иногда стражники и вовсе не появлялись, да и надзора особого не было. Здешние обитатели привыкли — ничего важного здесь не происходило, в отличие от других мест.

— На Императорскую кухню, — ответил Цзинчжэ. — Сегодня очередь сестры Хэ Е, но ей нездоровится...

— Просто не хочет идти, — холодно прервал его стражник.

Цзинчжэ не обиделся и, склонив голову, посмотрел на него.

Этого человека звали Жун, а по счёту он был девятым.

Один из стражников, патрулировавших Северные покои, и к тому же новичок.

...И, конечно же, тот самый несчастный, что попал под действие «баффа» в маленьком храме.

Теперь Цзинчжэ знал, что это называется «бафф», и это было настоящим мучением. Включая и тот ужасный опыт в храме.

Он в жизни ни с кем так... обнажённо не обнимался, и надо же было, чтобы это случилось с Жун Цзю. Тот был холоден, немногословен и нелюдим. Если бы не тот «бафф всеобщей любви», они бы никогда не стали общаться.

В тот день Жун Цзю вернулся. Цзинчжэ был так измучен, что у него не было сил даже злиться.

— Если хочешь ещё что-то сделать, то лучше убей меня.

Жун Цзю поднял его с пола.

— Одевайся.

Видя, что Цзинчжэ не двигается, он начал одевать его сам.

Это наконец привело Цзинчжэ в чувство. Он отступил на несколько шагов и оделся сам.

Одежда, которую принёс Жун Цзю, тоже была дворцовой и сидела идеально.

— Какую компенсацию ты хочешь?

— ...Что?

— Я оскорбил тебя. Разве я не должен это возместить?

Цзинчжэ клялся, что ничто из пережитого ранее не сравнится со стыдом, который он испытал в тот момент. Ему хотелось провалиться сквозь землю.

Он едва слышно покачал головой:

— ...Не нужно. Просто больше не встречайся со мной.

Он быстро подошёл к столу с едой, схватил коробку и поспешил к двери. Уже переступая порог, он остановился и, не оборачиваясь, бросил:

— Это было... недоразумение. Не принимай близко к сердцу. Считаю, что наваждение нашло.

С этими словами он, не обращая внимания на беспорядок, сбежал.

Всё это было следствием роковой ошибки.

В тот день Цзинчжэ даже не решился сразу вернуться, прячась, пока не истёк срок действия «баффа всеобщей любви».

У него совершенно пропало желание выполнять какие-либо задания.

Два проваленных задания — [Задание 1: Помешать императору Цзинъюаню убить Ся Ляо] и [Задание 2: Предотвратить ссылку Чэнь Сюаньмина] — провалились одно за другим в один день. Это означало, что Ся Ляо мёртв, а Чэнь Сюаньмин сослан.

При одной мысли о системе Цзинчжэ терял самообладание.

Эта так называемая система была до смешного прямолинейна. Если бы она была привязана к принцу Жую, эти задания ещё можно было бы выполнить. Но как это мог сделать Цзинчжэ?!

Откуда у него возможность влиять на императора Цзинъюаня?

Он с момента поступления во дворец ни разу его не видел.

Вернувшись в тот день, Цзинчжэ долго и яростно ругал систему. Для его обычно спокойного нрава это было неслыханно.

С тех пор система молчала.

Цзинчжэ думал, что на этом всё закончится, но на следующий день привратник Баци принёс ему свёрток, сказав, что кто-то оставил его у ворот.

Цзинчжэ был озадачен. За все эти годы он ни с кем, кроме обитателей Северных покоев,

близко не общался. Кто мог ему что-то прислать?

Подойдя к воротам, он нашёл пузырьёк с лекарством.

К нему была приложена записка с одним словом: «Разотри». Подпись — Жун Цзю.

Цзинчжэ застыл в молчании.

Слуги редко обменивались подарками, это могло быть расценено как сговор. К тому же, кто так открыто оставляет своё имя?

Боится, что не будет улики?

К счастью, это было лекарство, так что можно было как-то оправдаться. Он даже не видел отправителя и не знал, как вернуть, поэтому пришлось забрать.

Через два дня Бацзи снова его позвал.

На этот раз принесли пирожные.

Изящные, с красивыми узорами, похожие на маленькие цветы — такие не купишь в обычной лавке.

И снова короткая записка.

«Извинение».

И подпись — Жун Цзю.

— Прошу вас, если в следующий раз что-то принесут, не принимайте. Это против правил, — с головной болью сказал Цзинчжэ.

Цитуй пожал плечами:

— Тут мы бессильны, Цзинчжэ. Ты же знаешь, это дворцовая стража, с ними лучше не связываться. Когда ты успел завести такие знакомства? — Оба раза приходили разные люди, говорили, что от сослуживца, но все они были стражниками. Кто осмелится им перечить?

— Произошло небольшое недоразумение... — сухо ответил Цзинчжэ. — Ладно, если кто-то ещё придёт, попробуйте отказать.

Говоря это, он сунул им полсвязки монет.

Чэнь Миндэ не был слишком скуп и забирал лишь три десятых жалованья своих подчинённых.

За эти годы Цзинчжэ кое-что скопил.

Получив деньги, Цитуй и Баци, конечно, согласились.

Когда Жун Цзю прислал что-то в третий раз, Цзинчжэ встретился с ним лично.

— О чём задумался? — внезапно спросил Жун Цзю.

Цзинчжэ очнулся и, прикрыв лицо рукой, вздохнул.

— Что-то я сегодня рассеянный... Вспомнил нашу вторую встречу.

Жун Цзю кивнул и ровно произнёс:

— Это был первый раз, когда кто-то говорил со мной, вцепившись в мой воротник.

Первые два раза он отправлял людей.

Только когда его дозорный в Северных покоях доложил, что Цзинчжэ хочет с ним встретиться, Жун Цзю заинтересовался и пришёл сам.

А что до причины, по которой он приставил дозорного к Северным покоям...

Глаза Жун Цзю потемнели, скрывая его мысли.

В тот день Цзинчжэ, едва увидев его, бросился вперёд и, яростно вцепившись в его воротник, выпалил:

— Не пиши больше записок, жить надоело?

И на его глазах разорвал записку.

Затем последовало:

— Мне не нужны твои извинения. Уходи.

Всё на одном дыхании.

При воспоминании об этом Цзинчжэ смутился:

— Ты был слишком неосторожен.

Как можно каждый раз оставлять записки?

Почерк, имя, вещественные доказательства — всё это во дворце смертельно опасно.

Лучше всего — сказанное и услышанное, без третьего свидетеля.

На самом деле, и их нынешние встречи были нарушением правил.

Цзинчжэ и сам не понимал, как они с Жун Цзю дошли до таких... странных, дружеских отношений. Поступки Жун Цзю ещё можно было объяснить чувством вины, но Цзинчжэ чувствовал себя ещё более виноватым. В конце концов, во всём была виновата система.

Он испытывал стыд и вину и старался держаться от Жун Цзю подальше. Во-первых, боялся, что колдовство окажется неполноценным, и Жун Цзю, заметив неладное, возненавидит его. Во-вторых, общение с таким человеком, как Жун Цзю, противоречило его привычному образу жизни.

Если уж быть до конца честным...

Возможно, дело было во внешности Жун Цзю.

Он был слишком красив.

Цзинчжэ вздохнул. Эта слабость была у него с детства.

Он был падок на красивых людей.

Чем красивее человек, тем сложнее ему сопротивляться. Проклятая слабость.

К счастью, при всей своей слабости, Цзинчжэ был разборчив.

Многие казались ему красивыми, но лишь те, кто был в его вкусе, могли заставить его потерять голову.

За все эти годы Жун Цзю был единственным, кто так сильно ему понравился.

Ему хотелось ударить себя. Зачем он сам навлекает на себя беду? Человек с такой суровой внешностью, как у Жун Цзю, явно не прост. Неужели первая встреча его ничему не научила?

В конце концов, виновата была проклятая система.

Иногда, когда Цзинчжэ нужно было выйти, и он встречал Жун Цзю, тот провожал его часть пути.

Но это было опасно, и Цзинчжэ редко на это соглашался.

Сегодня, видимо, было исключение, потому что...

— Почему ты не в духе? — спокойно спросил Жун Цзю.

Цзинчжэ замер, не ожидая от него такого вопроса.

Он помолчал, глядя на видневшийся впереди проход. Снег шуршал под ногами, белое покрывало, казалось, бесконечно тянулось вперёд, скрывая дорогу в своей холодной пелене.

— Завтра меня отправляют на Императорскую кухню в помощь. Там многолюдно, не так тихо, как в Северных покоях. Вот и беспокоюсь, — наконец сказал он.

Жун Цзю поднял бровь:

— Императорская кухня... берёт людей из Северных покоев?

Цзинчжэ лишь улыбнулся. Жун Цзю больше ничего не сказал и проводил его до дворцовой дороги, ведущей к Императорской кухне.

Цзинчжэ остановился вместе с ним. Жун Цзю протянул руку и стряхнул с его плеч снежинки.

— Раздражает — убей, и дело с концом, — произнёс он своим прохладным голосом.

Цзинчжэ потерял дар речи.

Точно, у этого красавца была ещё одна особенность.

Иногда он говорил поразительные вещи.

Такие, что можно было умереть от страха.

И характер у него был не из лёгких.

Как можно просто так убить такого человека, как Цянь Цинь?

Но слова Жун Цзю не звучали как пустая угроза.

В них была зловещая уверенность.

Цзинчжэ покачал головой.

— Если бы всё было так просто, не было бы и проблем. — Увидев впереди Императорскую кухню, он напомнил Жун Цзю о необходимости быть осторожнее в словах и только потом ушёл.

Жун Цзю проводил его взглядом, пока тот не скрылся в дверях, а затем повернулся и пошёл в другую сторону.

Он шёл неторопливо, но направлялся не туда, где должен был нести караул.

У входа во дворец Цяньмин стоял главный императорский управляющий Нин Хунжу. Пронизывающий ветер обжигал лицо.

Если уж ему было холодно, то что говорить о нежной госпоже.

Цайжэнь Лю, в накидке из мягкой парчи цвета туманного дождя Цзяннаня, с причёской «влюблённых сердец», стояла на морозе, и её прелестное личико покраснелось.

— Управляющий Нин, я всего лишь принесла угощение Его Величеству. Обычно с этим не было проблем, почему сегодня всё иначе? — капризно проговорила она. — Просто доложите обо мне, Его Величество не откажется меня принять.

Нин Хунжу улыбнулся:

— В другой день я бы не посмел вас задерживать. Но сегодня Его Величество приказал никого не беспокоить. Прошу вас, возвращайтесь.

Но Цайжэнь Лю не собиралась уступать.

Её ранг был низок, и она не должна была так дерзко вести себя с Нин Хунжу. Но в этом гареме ранг не имел значения. Имел значение лишь император Цзинъюань.

Тех, кого он любил, возносили до небес, будь они хоть последними из слуг. А тех, кого не любил, не спасал и титул императрицы.

Вначале Цайжэнь Лю была скромной и осторожной, но за полгода превратилась в высокомерную и властную особу.

Прошло время, а Нин Хунжу всё не уступал. Лицо Цайжэнь Лю помрачнело.

В этот момент из дворца вышла придворная дама, что-то прошептала Нин Хунжу на ухо. Тот изменился в лице и поспешил внутрь.

Цайжэнь Лю просияла и сделала несколько шагов вперёд.

— Его Величество согласен меня принять?

Нин Хунжу улыбнулся:

— Прошу вас, подождите. Я доложу о вас.

Только тогда Цайжэнь Лю остановилась, с нетерпением ожидая у дверей.

Придворная дама следовала за Нин Хунжу, торопливо заканчивая:

— ...Его Величество очень недоволен.

Нин Хунжу замер. Все мысли о Цайжэнь Лю и прочих испарились. Ему захотелось, чтобы у него на ногах были огненные колёса — так быстро он шёл.

Войдя в спальные покои, он увидел коленапреклонённую фигуру, тихо что-то говорившую.

— ...Этот Цянь Цинь — человек хитрый. Не желая рисковать своими людьми, он нашёл козла отпущения. И дело для Цайжэнь Лю делает, и если что — будет на кого свалить вину...

Цянь Цинь? Тот самый с Императорской кухни? Цайжэнь Лю, козёл отпущения... Из этих обрывков фраз Нин Хунжу всё понял.

Он почтительно поклонился и услышал, как Цзиньюань назвал его по имени. Голос был прекрасен, но холоден, как лёд.

— Вырвать язык Цянь Циню. — Тихая фраза, и в покоях воцарилась тишина. — А женщину за дверью — казнить.

Придворная дама испуганно всхлипнула, едва не совершив ошибку. Стоявший перед ней Нин Хунжу невозмутимо поклонился:

— Слушаюсь.

Выйдя из дворца, Нин Хунжу увидел, как просияла Цайжэнь Лю. Она шагнула вперёд, поправляя причёску, и с плохо скрываемым торжеством посмотрела на управляющего.

— Управляющий Нин, Его Величество ждёт меня?

Она была недовольна Нин Хунжу. Зная, как император её любит, он всё равно её задерживал. Недалновидно. Как он вообще дослужился до такого положения?

Но своих мыслей она не показывала, боясь его обидеть. Она уже поняла, что евнухи — народ злопамятный.

Злопамятный Нин Хунжу улыбнулся:

— Указ Его Величества: даровать смерть Цайжэнь Лю. Исполнить немедленно.

Из дворца вышли несколько стражников, грубо схватили Цайжэнь Лю за руки и потащили вниз по ступеням.

— Нин Хунжу, ты сошёл с ума! Я хочу видеть Его Величество! Ваше Величество, Ваше Величество, этот негодяй передаёт ложный указ!.. — её голос дрожал от ужаса, она уже не чувствовала боли от ударов.

Нин Хунжу сохранял свою обычную спокойную улыбку. Глядя на него, можно было подумать, что он и вправду добряк.

Но кто, находясь рядом с Цзиньюанем, мог быть добрым?

Он смотрел, как Цайжэнь Лю, прижатую к ступеням, готовят к казни, и медленно произнёс:

— Его Величество милостив, даровал вам целое тело. Сохраните лицо.

Лицо? Цайжэнь Лю отчаянно вырывалась. Какое лицо!

Когда тебя убивают, какая разница, как ты умрёшь?

— Ваше Величество!

В зимнем воздухе её крик прозвучал дико и пронзительно.

Но вскоре на землю брызнула горячая кровь.

Стражник вытащил меч, и тело Цайжэнь Лю рухнуло на землю.

— Оттащите и отправьте обратно принцу Хуайнаньскому, — приказал Нин Хунжу.

— Слушаюсь.

<http://bllate.org/book/16993/1580815>